

Маргарита и Марк

Она не переставала удивлять его во все времена суток

...ОНА ИЗНЫВАЛА ОТ БОЛИ. ЗА ГРОХОТОМ ПУШЕК НИКТО НЕ СЛЫШАЛ ЕЕ СЛАБОГО ГОЛОСА И ПРИЗЫВА «ПОМОГИТЕ!»

А ведь ей всегда казалось, что она сильная. Последнее, что увидела Маргарита до того ужасного взрыва, был солнечный закатный луч. За несколько минут до этого она, склонившись над раненым, успела перевязать неглубокую рану, аккуратно дотащить его до ближайшего окопа. Взрыв – и Рита почувствовала ледящий душу ужас от того, что ее левый бок стал вдруг одной большой болью и раной. «Почему столько крови, боже мой, – шептала сама себе Рита. – Я истекаю кровью?» Она потеряла сознание...

В детстве Рита мечтала стать балериной. Ей снилась сцена, она ясно представляла себе, как легко и красиво она движется на пуантах. Огромный зал, невероятное количество зрителей, затаив дыхание, наблюдают за каждым ее движением. Грациозная, воздушная, она танцует в легкой, небесного цвета пачке. Казалось, язык танца она впитала с материнским молоком, и он был частью ее самой, ее счастьем, ее мечтой и жизнью. Она на сцене большого императорского театра, она танцует, вызывая такой восторг и возбуждение у зрителей, что даже после того как закрывается занавес, аплодисменты не умолкают и ее вызывают на бис снова и снова. В свою гримерку она возвращается в счастливейшем состоянии, только ради этого стоило родиться. Рита устало опускается в любимое кресло и закрывает глаза.

Импресарио у дверей ее гримерки на страже. Он, ее любимый мужчина, хорошо понимает, что сейчас ей не нужны ни слова, ни молчание. Рите нужно побыть одной. Марк ждет, не торопится, хотя это вовсе не в его характере. Но, что поделаешь, Риту он боготворит. Ее невозможно не боготворить. Она божьим даром балерина.

Она – роскошная женщина, утонченная и в то же время властная, романтическая и очень реальная, она не перестает удивлять Марка, она разная в разное время дня и ночи. Как ей удается так меняться, Марк до сих пор не может постичь. Собственно говоря, процесс постижения такой женщины увлекает его до дрожи, он – счастливейший из мужчин. Непостижимо для Марка и другое: как в одной женщине может быть так много разных женщин...

На операционном столе сознание к Рите возвращается очень медленно, и мысль о том, что она жива, придает силы. Возвращаются звуки, оживают чьи-то слова, медленно, но все четче становится виден защитного цвета потолок и лицо. Знакомые черты, и хочется плакать, но даже на это сейчас нет сил... Она слышит такие родные, такие знакомые интонации: «Дорогая, Маргарита, Риточка, Ритулечка, это я, Марк, если ты меня слышишь, дай знать глазами, прошу тебя, родная!»

Рита закрывает глаза, и в них рождаются ее первые после возвращения на этот свет слезы. Женские слезы. У много повидавшего и много пережившего хирурга Марка,

они вызывают легкое раздражение. Так устроен любящий мужчина. Женские слезы всегда вызывают в нем чувство ответственности за женские слабости.

Марк любит Риту с первого дня войны, с той первой минуты их встречи, когда формировался санитарный поезд. Среди молоденьких, безусловно хорошеньких женщин он увидел, скорее почувствовал, Ритино потрясающее обаяние. Он испытал толчок в области сердца. Как хирург, он хорошо знал анатомию человека и скептически относился ко всяким романтическим историям, которые неоднократно слышал от своих коллег по клинике. Ну не верил он в эту, как ему казалось тогда, ерунду. Все гораздо проще: есть природа, и она притягивает мужчину к женщине, и наоборот. А любовь, страсти, переживания – это уж точно Марка не коснется никогда. В свои 34 года он не был обижен женским вниманием. Марк был уверен, что мужчина он, что называется, хоть куда и, как только закончится война, он легко женится, и все в его жизни пойдет по накатанной колее. Он будет лечить, оперировать, писать научные работы, жена родит ему сыновей, и все в его большой семье будет ладно и достойно.

Итак, судьба решила испытать его – Марк это понял сразу. Как только Рита начала говорить, в его душе тихо отзывалась какая-то тончайшая струна. Он смотрел на нее и не мог наглядеться. Ну что же в ней такого, чем она околдовала его, как сумела, нет – заставила забыть и перечеркнуть все его прежние взгляды на любовь, на отношения мужчины и женщины в самом земном смысле. Как чело-

век рациональный, он попытался разложить все «по полочкам». Глаза у нее то голубые, то зеленоватые, курносый нос.

Фигура? Пожалуй, эта женщина не в его вкусе. Он бы сказал – полненькая, но от чего-то такая бешено обаятельная в каждом движении, в повороте головы, в движениях рук и всего тела? Она естественная. Вот в чем секрет ее обаяния. И еще он был вынужден признать: вот что было в Рите оружием, сражающим наповал, – улыбка! Когда она улыбнулась ему, почувствовал себя избранныком.

Почему он решил, что улыбка адресована ему. Может, она вспомнила что-то очень личное и приятное? И вообще, может, у нее вредный характер, она замужем и мечтает родить от своего мужа ребенка, как только закончится война...

Марк вдруг осознал, что ему совершенно наплевать на все, что он только что придумывал. Быть с ней

Женские слезы всегда вызывают ответственность за женские слабости

хотя бы минутку, видеть ее улыбку, дышать рядом... Марк осознал, что судьба усмехнулась и было ясней ясного – Марк влюбился, втюрился по уши, по самую макушку. Новое чувство вошло в его жизнь в один миг вместе с этой женщиной и благодаря ей. С тех пор он начал дышать в другом ритме, ему было важно все, что ее касалось, все до мелочей, все, все, что с ней происходит. Отключаться от мыслей о ней он мог только на время операций.

...Теперь она лежала перед ним на операционном столе и чувство бессилия душило его так, что хотелось кричать что есть мочи. Да, это была война, но Марк не мог смириться с тем, что его любовь не уберегла любимую женщину от смертельного ранения.

Почему так жестоко судьба обошлась с ней и почему он бессилен ей помочь – эти вопросы мучали его до сердечной боли. Невероятным усилием воли он взял себя в руки и стал говорить с ней так ласково, как мог в эту минуту.

– Риточка, прошу тебя, потерпи, моя ласточка! Сейчас тебе нужны силы, и я прошу тебя вспомнить что-то хорошее, это придаст тебе сил!

– Марк, – прошептала чуть слышно Рита, – самое лучшее в моей жизни – ты!

– Риточка, радость моя, голубка моя и мой свет! Дыши смелее, но не двигайся сильно, этого делать нельзя.

Марку казалось, что у него разрывается душа. «Сколько еще я смогу удержать ее в сознании, что успею сказать ей в последние минуты ее жизни? Почему, – успел подумать Марк, – ну почему, мы, мужчины, так редко говорим женщинам о своих чувствах? Бережем слова для особых случаев или не хотим распахивать душу настежь? Как знать?»

– Марк, – голос Риты срывался, – пообещай мне, что если я умру, ты обязательно съездишь к моим родителям и сам передашь им мою гимнастерку и нашу фотографию.

– Ритулечка, солнышко, ты будешь жить, верь в это, прошу тебя! Риточка, у нас будет семья, дети, а потом внуки и внучки, и когда-нибудь ты скажешь мне: как хорошо, что мы встретились и полюбили друг друга. Я очень, слышишь, очень тебя люблю! У нас все будет хорошо, как только закончится война...

...Марк устало опустился в кресло. Сил, казалось, больше не было. Это дежурство вымотало его. Он решил, что куда сейчас не поедет, переночует здесь и завтра с утра снова в операционную... Тело ныло так, как будто он пробежал самый длинный в своей жизни марафон. В свои пятьдесят три он был крепким телом, силен духом, душой... Вот о душе...

В его душе даже через двадцать лет после того, как закончилась война, жила Рита. Она не умерла тогда у него на руках, она просто переселилась навсегда в его сердце. Хирург с мировым именем, после войны он так и не женился. Он врос в свою работу, он создавал новейшие медицинские технологии, он жил только врачеванием, создал свою клинику, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Он столько лет жил воспоминаниями о той военной и драгоценной любви, что не мог, не хотел новых серьезных отношений. Нет, он не ушел в монахи. Женщины в его жизни были, но почему-то он быстро забывал их лица, помнил, и то недолго, лишь какие-то слова, и быстро расставался, не привязываясь душой.

...Рита заполняла сердце настолько, что в нем просто ни для кого не было больше места. Свет той любви был так ярок, что казалось, отключи электричество ночью, и Марк этого не заметит. Он делал сложнейшие операции, он давно превзошел сам себя, он спас тысячи женщин, и после его лечения они знали, что будут жить долго... Жили, любили, рожали детей...

Марк задремал и просто забыл, что в его руке кружка с кофе, еще одно движение и... Сквозь дремоту Марк почувствовал, как чья-то рука разжимает его руку и кто-то нежно проводит рукой по его седым кудрявым и непослушным волосам. Марк резко открыл глаза.

– Вы кто? – спросил он у молодой женщины в голубом халате.

– Я, уважаемый Марк Владимирович, ваш новый доктор.

– Что за новости? Я – заведующий этой клиникой, знаю здесь всех без исключения.

– Простите, но вам обо мне говорили, возможно, после трудного дня вы слегка подзабыли обо мне. Я понимаю. И еще прошу простить меня за смелость, я проявила неслыханную дерзость, позволив себе войти в ваш кабинет без стука.

– Послушайте, коллега, вы смелая и откровенная...

Марк замолчал, нервно отвернулся от новой коллеги и поймал себя на мысли, что ему нравится эта новенькая. Он закрыл глаза, и неожиданно перед его взором возникла Рита, он увидел ее смеющуюся в их первое утро, после ночи, проведенной вместе. И теперь, казалось, она рядом, только дотянись рукой. Марк замер...

«Я схожу с ума? Нет, нет, все в порядке, это сказывается долгое дежурство», – сам себе шепотом сказал Марк и медленно обернулся. В кабинете никого не было, новая его коллега исчезла так же внезапно, как объявилась. Исчез и образ такой дорогой и по-прежнему любимой Маргариты, и Марк задумался. Ему вдруг показалось, что это был знак свыше. Это неожиданное знакомство и образ любимой женщины.

Марк понял: новой своей сотруднице он сделает предложение, он попросит ее руки и сердца, только при этом часть его сердца будет всегда, до последнего его дыхания, занята Маргаритой...

БЕРА ТЮРЕНКОВА